

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Записки изъ Мертваго дома.

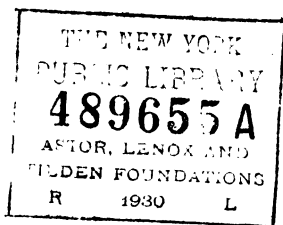
Романъ въ двухъ частяхъ.

II. Скверный анекдотъ.

Разсказъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 марта 1894 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА *).

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

Введение.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквями — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще, въ Сибири, несмотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, нелиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, — по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства, — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и не умѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: „зачѣмъ они въ нее заѣхали?“ Съ нетерпѣніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его

*) Въ первый разъ напечатаны въ журналѣ „Время“ 1861 и 1862 г.

Дозволено цензурою. СПб. 14 марта

вопросомъ вашимъ задали ему, у него какую-нибудь тайну, и коротко, но до того взвѣсивъ отвѣта, что вамъ вдругъ стало и вы, наконецъ, сами рады. Я тогда же разспросилъ о мальчѣ, что Горянчиковъ живетъ и что иначе Иванъ Ивановичъ для дочерей своихъ; но что это всѣхъ прячется, чрезвычайно, но говорить весьма мало и очень трудно разговориться. Иные жгительно сумасшедшій, хотя и не это еще не такой важный непочетныхъ членовъ города г-на Александра Петровича, что онъ не можетъ, писать просьбы и проч. должна быть порядочная родня въ немъ и не послѣдніе люди, но знали, что онъ упорно пресѣкъ съ ними всякія сношенія, вредить себѣ. Къ тому же у него, знали, что онъ убилъ жену и родъ своего супружества, убилъ из-за себя (что весьма облегчило для него преступленія всегда смотреть и сожалѣть о нихъ. Но, несмотря на это, сторонился отъ всѣхъ и являлся давать уроки.

Онъ обращалъ на него особеннаго вниманія, почему, онъ мало-по-малу началъ интересоваться имъ было что-то загадочное. Разговаривать съ нимъ ни малѣйшей возможности. Когда мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ улыбкою, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью. Но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился разспрашивать; да и на лицѣ его, послѣ таинственныхъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и скорбь. Помню, я шелъ съ нимъ однажды, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, отъ Ивана Ивановича. Вдругъ онъ пригласилъ его на минутку къ себѣ въ кабинетъ. Я могу описать, какой ужасъ выражалъ на лицѣ своемъ потерялся, началъ бормотать бессмысленныя слова и вдругъ, злобно взгля-

тотчасъ же хлопотуть о своемъ переводѣ и возвращаются во-свояси, браня Сибирь и подсмѣваясь надъ нею. Они не правы: не только со служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натѣкается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Игра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надобно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей, и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Ивановича Гвоздиковъ, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копеекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человѣкъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по-европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, со строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ будто въ него вду-

мываясь, какъ будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу, или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и, наконецъ, отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣшивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко, и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда же разспросилъ о немъ Ивана Ивановича и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Ивановичъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ; но что онъ страшный нелюдимъ, ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говоритъ весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговориться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ; что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ-быть, даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія сношенія,—однимъ словомъ, вредить себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрять какъ на несчастія, и сожальють о нихъ. Но, несмотря на все это, чудакъ упорно сторонился ото всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не знаю почему, онъ мало-по-малу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился его долѣе разспрашивать; да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шелъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Ивановича. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папирску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взгля-

нувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему, и, мѣсяцъ спустя, я, ни съ того, ни съ сего, самъ зашелъ къ Горянчикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи-мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы, наконецъ, усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: „да скоро-ли ты уйдешь отсюда?“ Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ и его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало, наконецъ, совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще не разрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то неносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею—какъ можно подалѣе спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгу я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и, стало-быть, несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однакоже, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ

свѣтъ. Что же дѣлать онъ, просиживая до зари? Не писалъ-ли онъ? А если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лѣкаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ-ли онъ чего-нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она уже истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень любилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единого слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ-ли она своего учителя? Она смотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало-быть, могъ же этотъ человѣкъ хоть кого-нибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, назначавшіе лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недоконченная, можетъ-быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными ужасными воспоминаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ будто по какому-то принужденію. Я нѣсколько

разъ перечиталъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумасшествіи. Но каторжныя записки—„Сцены изъ Мертваго дома“,—какъ называется онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсѣмъ безынтересными. Совершенно новый міръ, до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ, нѣкоторые особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ,—увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ-три главы; пусть судить публика...

I.

Мертвый домъ.

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь-ли хоть чего-нибудь? — и только и увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу день и ночь расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлыя годы, а ты точно такъ же пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленький краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полторасти ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (палъ), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ; вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкія ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемыя часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ, какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе не похожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и живо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, видите внутри ея нѣсколько

зданій. По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Средина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ провѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣскольку разъ въ день,—судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задачамъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменныя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать пали. Ихъ было тысячи полторы, и у него онѣ были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая палѣ означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ на одной палѣ и такимъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ палъ, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще остается ему пребыть въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону шестиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться, но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и, наконецъ, выходявшій на волю. Были люди, помнившіе, какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ. Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ, подъ вечеръ, позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая его жена вышла замужъ, и крѣпко запеча-

лился. Теперь она сама подѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаваніе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились навѣки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная салными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски; это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человекъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того—шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритья головы, клейменные лица, лоскутные платья, все—обруганное, ошельмованное... да, живутъ человекъ! Человекъ есть существо ко всему привыкающее и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человекъ двѣсти пятьдесятъ,—цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было? Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожного населенія составляли сильно-каторжные разряда гражданскаго (сильно-каторжные, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишенные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. Были преступники и военнаго разряда, не лишенные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки, по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли, въ

солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался „всегдашнимъ“. Но „всегдашніе“ все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ „особымъ отдѣленіемъ“. Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоять и утроять рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ. „Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ“—говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того, уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю, стало-быть, старину, дѣла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было, все это снится мнѣ теперь, какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ январѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось, народъ возвращался съ работы, готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ, наконецъ, двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумястами товарищей и ни разу, ни разу—одинъ! Впрочемъ, къ этому-ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги—промышленники по находнымъ деньгамъ, или по столовской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли прійти сюда? А между тѣмъ у всякаго была своя повесть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго

похмелья. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, жизнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычай, не принято. Такъ развѣ изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. „Мы—народъ грамотный!“ говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмельной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человекъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человекъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ. Слышалъ я потомъ, кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губить народъ. Это ошибка: тутъ совсѣмъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самонадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а другая темнобурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвочка-калачница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала.—„Фу, какъ не славно! закричала она,—и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достало!“ Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперекъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но, странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичокъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить ужъ некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, официальное, какое-то спокойное резонерство: „Мы погибшій народъ“, говорили они, „не